

Мы продолжаем публиковать материалы из книги Н.В. Мурашовой и Л.П. Мыслиной «Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Всеволожский район».

В названии районного центра — города Всеволожска — увековечена фамилия Всеволожских, владевших Рябовской вотчиной целое столетие, с 1818 года до прихода к власти большевиков.

Ранее поместье переименовало многих владельцев. Петр I пожаловал его А.Д. Меншикову, после опалы которого оно отошло в казну. Императрица Анна Иоанновна подарила вотчину своему фавориту Э.-И. Бирону, сосланному после ее смерти в Сибирь. Тогда Рябово было передано вице-губернатору Санкт-Петербургской губернии Егору Ивановичу Пашкову. Жена его, Марфа Васильевна Пашкова, овдовев, продала имение коллежскому советнику Александру Ульяновичу Саблукову, отдавшему его в приданое дочери Екатерине, вышедшей замуж в 1764 году за Михаила Ивановича Мордвинова. Позднее он стал известным инженером, генерал-поручиком, директором Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса и директором Комиссии о дорогах, центрального органа, ведавшего всеми сухопутными и водными путями сообщения империи.

Первую усадьбу в Рябовском имении построил Иван Юрьевич Фредерикс, купивший его в 1773 году у Екатерины Александровны Мордвиновой. Родом из архангельских купцов, Фредерикс нажил огромное состояние, ссужал немалыми деньгами братьев Орловых и через их покровительство стал придворным банкиром. Екатерина II пожаловала его российским баронским достоинством.

Стремясь закрепить положение в обществе, титулованный банкир задумал создать представительную усадьбу вблизи столицы, где можно было бы устраивать грандиозные приемы и праздники. Он выбрал вершину Румболовской горы, откуда открывались широкие дали, вплоть до Петербурга. Гору окружали болотистые низины, для осушения которых нужно было проделать большую работу. По проекту Е.И. Шретера прорыли мелиоративные каналы, общей протяженностью 112 верст (около 120 км), через лесные массивы прорубили «перспективы», проложили дороги, построили через каналы мосты. В результате, как писал после окончания работ Шретер: «...место сие учинилось веселым садом и приятным гульбищем... Вредные пары не находят себе логовища: проникающие ветры очищали повсеместно воздух».

Однако со временем замыслы барона изменились. В небольшой усадьбе, площадью 4 десятины, были выстроены лишь деревянные господский дом и службы, большие оранжереи, разведен регулярный сад. Человек предприимчивый, Фредерикс превратил имение в доходное хозяйство — завел породистых коров, соорудил для них обширный каменный скотный двор в форме каре, сбывал молочные продукты в столицу. Прибыль приносил хорошие урожаи озимой ржи, винокуренный завод и небольшое предприятие по выплавке железа из местной болотной и луговой руды. Помимо того Фредерикс значительно расширил поместье, прикупив соседнюю мызу Волкову (Ляглову) и пустошь Романовку. В 1779 году Рябовскую вотчину унаследовал по завещанию отца Густав Иванович Фредерикс, артиллерии майор в отставке.

Через 16 лет он продал имение с деревнями, «при мызе разные строения деревянные с садами и оранжереями, на ручье Мельничном винокуренный завод» надворному советнику Ивану Эммануиловичу Гертлею (Эртелю), которого дворяне Шлисельбургского уезда в 1801-1804 годах избирали своим предводителем.

В 1808 году по купчей Рябовская вотчина перешла к Елизавете (Алевтине) Ивановне Толстой, урожденной Кудрявцевой, жене коллежского советника, Осташковского предводителя дворянства Никиты Яковлевича Толстого. В раннем детстве здесь бывал декабрист И.И. Пущин, упомянувший об этом в письме к юристу-этнографу Е.И.

Якушкину: «Н.Н. Толстого я знаю с детства. Говорят, он в Москве на службе, если это так, когда встретите его, спросите, помнит ли он, как мы в Рябове воровали из оранжереи собственные их персики, когда там жила Алефтина Ивановна». Она владела имением 10 лет и в 1818 году уступила «мызу Рябову с деревнями, с землями, женами и детьми с сверх сего винокуренный завод, мельницу, господские строения в мызах с садами, оранжереями и деревьями» за 360 000 рублей Всеволоду Андреевичу Всеволожскому.

С этого времени началась другая жизнь полностью перестроенной усадьбы. Это потребовало вложения больших средств, и они у Всеволожского были. Богатое приданое при-

несла в 1790 году Всеволоду Андреевичу, тогда подпоручику лейб-гвардии Конного полка, невеста — Елизавета Никитична, дочь генерал-поручика Никиты Афанасьевича Бекетова.

В 1750 — 1751 годах он был фаворитом императрицы Елизаветы Петровны. Красавец-кадет пригласился ей в спектаклях Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, где талантливо исполнял женские роли. Бекетов не был чужд литературе, писал популярные песни, переводил с французского. Из-за придворных интриг Шуваловых его фавор быстро закончился. Позже он принимал участие в Семилетней войне и даже был взят в плен пруссаками. Петр III произвел Бекетова в генерал-майоры, Екатерина II назначила его в 1763 году астраханским губернатором. За 17 лет деятельности в этой должности им было сделано немало — урегулированы торговые отношения с Персией, построена Енотаевская крепость, основана Сарептская колония для немцев-протестантов, налажены рыбные промыслы, виноделие, шелководство.

В своем имении под Астраханью — Черепаше — Никита Афанасьевич насадил сады, виноградники, мелиорировал земли, привел хозяйство в образцовый порядок. Частыми гостями у него бывали А.В. Суворов с женой Варварой Ивановной (урожденная княжна Прозоровская). В 1780-1782 годах генерал-поручик Суворов командовал Казанской дивизией и квартировал в Астрахани. За заслуги по управлению краем в 1771 году Бекетов был пожалован чином генерал-лейтенанта, через два года назначен сенатором. После отставки, в 1780 году, получил звание генерал-поручика и вскоре поселился в Отраде, имении в Саратовском наместничестве, где и умер в 1794 году, успев выдать замуж побочную дочь Елизавету за Всеволожского.

По свидетельству его биографа: «Всеволод Андреевич, старинный русский барин, был сын последнего Пензенского воеводы, погибшего на службе в пугачевщину.

В первой молодости он служил в военной службе офицером лейб-гвардии Конного полка — в конной гвардии, как говорили во времена императрицы Екатерины II. Всеволожских было несколько братьев, но Всеволод отличался между ними необыкновенной деятельностью, быстротой соображения и образованием, по-тогдашнему чисто французского склада. Его очень полюбил бездетный, богатый старик, сенатор Всеволод Алексеевич Всеволожский; умирая, старик, не оставив ничего другим своим племянникам, завещал Всеволоду Андреевичу все свое огромное Пермское

Усадьба Всеволожских — Рябово

имение с его знаменитыми и тогда славившимися железоделательными заводами. По кончине тестя, отлично устроив свои имения, Всеволод Андреевич зажил в Москве, вода хлеб-соль со всем, что было тогда в белокаменной аристократичности и богатого. Он сначала был камер-юнкером, а вскоре получил и камергерский ключ, какой (весь золотой), замечу мимоходом, в те времена носили припиленным к огромной розетке из голубой Андреевской ленты к одной из пуговиц фрака или мундира на талии, над левым карманным клапаном».

До отъезда в Москву Всеволожский служил вице-губернатором Астраханской губернии, а по выходе в отставку все внимание сосредоточил на повышении доходности пермских заводов и копей, внедряя новейшие изобретения в области выплавки железа, разработки каменного угля и каменной соли. Деятельному Всеволожскому еще и повезло — в уральских степях, на его землях, были открыты золотоносные россыпи. Это позволило Всеволожскому, не принимавшему личного участия в военных действиях, поставить в 1812 году в ряды армии 2000 ополченцев, оружие и артиллерийские припасы.

После Отечественной войны Всеволод Андреевич, уже вдовец, переселился в Петербург, нанял дом своей родственницы княгини Екатерины Матвеевны Хованской, что стоял напротив Никольского собора (пр. Римского-Корсакова, 35), а в 1818 году приобрел Рябово, где жил большую часть года.

К созданию родового гнезда он привлек Павла Даниловича Шретера, забытого сегодня ученика и последователя Чарльза Камерона.

Согласно послужному списку Шретер происходил «из поселившихся здесь иностранцев» и, скорее всего, был сыном вольного кондитера немца. В двухлетнем возрасте Павла Шретера записали «артиллерии сержантом», в четырнадцать — уволили от службы, и юноша поступил в Академию художеств в класс Юрия Матвеевича Фельтена. В 1793 году профессор дал ученику хорошую аттестацию: «Павел-Эбергард Шретер вступил на своем коште в императорскую Академию художеств для обучения рисованию и архитектуре в 1790 году, где продолжал учение по нижеописанное число, и как в рисовании и теории архитектуры оказал отличные успехи... ради чего, рекомендую его, дал сие свидетельство».

Для дальнейшего образования Шретер поступил в 1794 году учеником к Чарльзу Камерону, автору дворцовых ансамблей в Царском Селе и Павловске. Император Павел I, взойдя на престол, передал заведование работами в Павловске архитектору В. Бренне, а 31 декабря 1796 года уволил Камерона «по ненадобности». За несколько дней отставки он успел дать Шретеру прекрасную характеристику: «...оказал упомянутый Шретер во все время бытности при мне преизящнейшие по художеству своему и многим другим наукам знания и препоручения ему сделанные выполнял со всякою точностью и неусыпной ревностью при достохвальнейшем поведении, почему и в продолжение службы удостоился звания архитектурного помощника, каковым по высочайшему повелению определен был к строению Михайловского замка. Отдавая его искусству и знаниям должную справедливость и рекомендуя его яко искусного и лучшего поведения художника определения на соответствующую его знаниям должность и награждение чином».

Шретеру удалось поработать при Камероне три года. Какие именно поручения он выполнял — неизвестно, но заслужил благосклонность императрицы Марии Федоровны и в 1797 году был назначен главным архитектором города Павловска с чином коллежского регистратора. Через два года в Павловск вернулся Камерон. Тогда по его проектам начали строить каменный мост (Мост кентавров), Холодные бани, Музыкальный павильон, Павильон трех граций и Краснодолинный (Елизаветин) павильон. Документально подтверждено, что

руководил строительством двух последних павильонов Павел Данилович Шретер. По своему проекту он выстроил в 1800 году оранжерею возле Вольера (разрушены в 1862 году). За свою деятельность Шретер получал благодарности и подарки — золотые часы, табакерки, перстень с бриллиантами.

Однако в 1803 году, когда Камерон собирал своих соратников и учеников для работы в Адмиралтейств-коллегии, Шретер покинул Павловск и вернулся к Учителю. Сотрудничество продолжалось недолго, всего два года. В мае 1805 года Камерона уволили и преданный Шретер сразу же вышел в отставку. Следующие 12 лет он был «не у дел», т. е. без должности, но много работал по частным заказам.

Только в 1817 году Шретер вновь поступил на службу — на этот раз главным архитектором при университете и благородном пансионе — «с тем, чтобы иметь только надзор за обыкновенными починками и поправками». За это он получал всего 500 рублей в год. Через два года Шретера назначили главным архитектором Гоф-интендантской конторы Министерства императорского двора с годовым окладом в 1800 рублей. Он занимался строительными работами в Таврическом и Зимнем дворцах, Шепелевском доме, Эрмитаже, но уже в 1821 году уволился.

В 1823 году Павлу Даниловичу поручили надзор за всеми зданиями столичных и губернских училищ. Объем работы предстал большой, и министр народного просвещения А.Н. Голицын обратился в Комитет министров с просьбой: «...в уважение надобности, а также личного усердия, знания и способностей Шретера назначить ему жалованье 2000 рублей и двух помощников... поскольку никак невозможно ожидать, чтобы отличный художник, каков Шретер, согласился принять на себя столь обширные занятия в здешней столице и губернии за такое малое жалованье, каким доселе довольствовался, пожертвованием всех частных выгод, которые искусство его ему доставляет... занятия архитектора Шретера только отвлекают его от частной практики, каковая доставляет ему особенные выгоды».

Поскольку сведения о творчестве П.Д. Шретера весьма скудны, свидетельством князя Голицына особенно знаменательно. Пока известно только о трех домах, выстроенных по проектам архитектора в Петербурге, перестроенных, правда, в середине XIX века: Моховая ул., 30, Невский пр., 59, Английский пр., 24. Современникам же имя Павла Даниловича было хорошо известно, его работы ценились высоко. Недаром и Всеволод Андреевич Всеволожский, «Петербургский Крез», как его называли, выбрал из плеяды столичных зодчих именно Шретера.

Работая рука об руку с Камероном в Павловске, Павел Данилович хорошо усвоил искусство композиции усадебных ансамблей. Он по достоинству оценил положение старой усадьбы на плато Румболовской горы, вознесенной на 70-80 метров и, несмотря на отсутствие естественных водоемов, создал неординарный загородный комплекс.

Широкой аллеей архитектор разделил плоскогорье на две части, в западной возвел господские строения и разбил пейзажный парк, в восточной расположил хозяйственную и садово-оранжерейную зоны. Парадного двора в традиционном смысле не было. Барский дом поставили на северо-западной окраине большой поляны, у края крутого изрезанного оврагами склона. Обработанный широкими уступами в несколько ярусов, он спускался к искусственному пруду. Отсюда был особенно эффектный вид на высоко вознесенную усадьбу, а с уступов и видовых площадок открывались далекие и широкие перспективы на поля, леса, соседние деревни, в хорошую погоду был виден и Петербург. Довольно полное представление об усадьбе того времени дает гравюра А. Дезарно.

(Продолжение следует)

